

УДК 82-655:343.63

И СНОВА ОБ ОСКОРБЛЕНИИ

О. Б. Власова

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

Статья посвящена анализу некоторых дискуссионных вопросов, возникающих при проведении лингвистических экспертиз, в контексте отмены статьи 130 УК РФ «Оскорбление». В центре внимания автора проблема адресата и инвективная лексика.

Ключевые слова: *оскорбление, честь, достоинство, экспертиза, инвективы.*

Если задать в Интернете поиск на слово *оскорбление*, увидишь многократно повторяющийся вопрос *Что такое оскорбление?* Само появление вопроса – это реакция на неполноту и невнятность словарной информации. Этимология слова *оскорбление*, его связь со словом *скорбь*, говорит о чувствах обиженного, но никак не о том, что собственно было сделано и сказано. А в толковых словарях слово *оскорбление* объясняется как действие по глаголу *оскорбить* и как *оскорбляющие поступки, оскорбляющие слова*. Общеизвестно, однако, что одни и те же слова и поступки могут быть восприняты разными людьми по-разному, в зависимости от ситуации и трепетности адресата. То, что одними воспринимается как *допускает грубость, злословие*, другие могут оценивать иначе, например: *остроумен, злызычен, находчив, за словом в карман не лезет* и т. п. Напротив, почти любую фразу, даже такую, как *Маша хорошая девочка*, можно произнести так, чтобы она прозвучала как оскорбление.

Однако, коль скоро возникали иски по защите чести и достоинства, появилась необходимость определить степень действительной вины адресанта оскорбления. В ответ на эту потребность юристы предлагали свой вариант толкования слова: «Оскорбление представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, имеющую обобщенный характер и унижающую его честь и достоинство» [1]. Ответственность за оскорбление была предусмотрена ст. 130 УК РФ.

Лингвисты, занимавшиеся проведением экспертиз, развивали эту тему и выделяли до девяти признаков оскорбления, которые могут быть установлены лингвистическими методами [2]. В числе основных назывались наличие адресата (слов, обращенных к конкретному лицу), наличие инвективной лексики, наличие неприличной формы.

Наличие а д р е с а т а проще всего устанавливается по местоимениям 2-ого лица или обращениям. Например, адресат высказываний «*Ты вор, ты воруешь бюджетные деньги. Ты вор, Мы тебя посадим*», а также «*Я плюю вам всем в лицо, подонки!*» прямо не назван, но обращение в форме 2-ого лица предполагает обращение к собеседнику (собеседникам).

Однако в контексте лингвистической экспертизы термин *адресат* не вполне удачен, поскольку нередко адресат высказывания и собственно объект оскорбления (объект речи) в одном лице не совпадают. В частности, не является участником коммуникативной ситуации объект оскорбления (объект речи), о котором говорится в 3-ем лице. Например, адресатами высказываний «*Бондарев — дерьмо*», а также «*судебный пристав-исполнитель не соответствует её уровню, она дура*» и объектами оскорбления являются разные люди.

Иногда, впрочем, адресат и объект высказывания, о котором говорится в 3-ем лице, совпадают, однако такое обращение само по себе является нарушением норм этикета и свидетельствует о неуважительном отношении к адресату. Например: «*Это не мужчина, а гнида конченная, ему лишь бы своровать, лишь бы украсть*». Если в третьем лице говорится о том, кто не участвует в ситуации, объект оскорбления и адресат высказывания не совпадают; а если говорится об участнике коммуникативной ситуации — собеседнике, объект оскорбления и адресат высказывания совпадают в одном лице.

Представляется, что при проведении экспертизы важнее установить не столько адресата высказывания, сколько объект оскорбления, вне зависимости от того, присутствует ли объект оскорбления в данной коммуникативной ситуации.

И н в е к т и в н а я лексика и фразеология – это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме [3, с. 29].

Классификация инвективной лексики достаточно широко известна. Помимо ругательной нелитературной лексики, чаще всего взятой из жаргонов и диалектов, сюда включают обценную лексику; грубопросторечную лексику, входящую в состав литературного языка; а также литературные, но ненормативные слова и выражения восьми разрядов [3, с. 29].

Обценную лексику, ругательную нелитературную лексику из жаргонов и диалектов оставим без комментариев. Отметим только, что, помимо лексики, признаком оскорбления является также фразеология: «*В суд подается оплаченное госпошлиной ходатайство об изготовлении копии протокола, а **Андреев несет «пургу»**, что это в компетенции председателя*».

Еще одна группа инвектив в приведенной классификации характеризуется как грубопросторечная лексика, входящая в состав литературного языка: *дерьмо, жопа, пидорас* и т. п. Сомнения вызывает сама формулировка: правомерно ли относить просторечную лексику к литературному языку. Кроме того, некоторые слова оцениваются в словарях неоднозначно: как просторечные и как литературные разговорные. Например, слово *сволочь* в словаре Т. Ф. Ефремовой [4] и словаре В. И. Даля [5] трактуется как разговорное. А в словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [6] и в словаре Д. Н. Ушакова [7] – уже как просторечное.

Наибольшее количество вопросов вызывает классификация литературных, но ненормативных слов и выражений [3, с. 68-71], поскольку отсутствие какой-либо логики в выделении восьми разрядов этой классификации, не заметить нельзя.

Так, в 1-ый, 2-ой и 6-ой разряды включаются **слова** (1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *бандит, жулик, мошенник, вор, проститутка, педераст, фашист, шпион*; 2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления: *двурушник, расист, враг народа, антисемит, изменник, предатель, ренегат, русофоб, юдофоб*; 6. Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности: *гадина*).

К 3-му разряду относятся **названия** (названия профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*). К 4-ому – **метафоры** (зоосемантические метафоры: *кобель, кобыла, свинья*); к 5-ому – **глаголы** (глаголы с “осуждающей” семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *украсть, ханнуть*); к 7-ому – **эвфемизмы** для слов 1-го разряда, сохраняющие их оценочный (резко негативный) характер: *женщина легкого поведения, путана, интердевочка*; и, наконец, к 8-ому разряду относят **окказионализмы** (каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата: *коммуняки, дерьмократы, прихватизация*).

Представляется, что классификацию литературной инвективной лексики можно упорядочить и представить в следующем виде:

1. Слова и выражения, прямо называющие род антиобщественной, **противоправной** социально осуждаемой деятельности человека. Среди примеров частотны существительные-названия лиц: *бандит, жулик, мошенник* и т.п. Такие слова нередко имеют четкую юридическую квалификацию.

К этой группе можно также отнести а) существительные - названия профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник* («С любым поспорить я готов Палач кровавый Иванов»); б) окказиональные существительные-названия лиц: *прихватизатор*; в) эвфемистичные названия для слов 1-го разряда: *женщина легкого поведения, путана, интердевочка*, если они также называют способность к противоправным действиям: убийствам, воровству, мошенничеству и т.п.

Существительные этой группы могут быть не только названиями лиц, но и названиями отвлеченных понятий, например *прихватизация, криминал* («он связан с криминалом»).

Обозначать род антиобщественной, противоправной социально осуждаемой деятельности могут не только существительные, но и глаголы: «Ты вор, ты **воруешь** бюджетные деньги»; «Бондарев даст ей палкой по голове, **изнасилует** её и **ограбит**»; «не приближался к её вещам, она боится, что он их **украдет** и вообще боится его».

Род антиобщественной, противоправной социально осуждаемой деятельности может называться и при помощи словосочетаний, например: «Ни проигрыш в чистую на выборах Законодательного Собрания, ни партвызвания – ничто не смогло обуздать стремление Савина **пробиться к бюджетной кормушке**, близость которой он уже однажды вкусил, получив

возможность бесконтрольно и безответственно осваивать немалые бюджетные средства».

Если учесть что *кормушка* – это не только ‘приспособление, в которое закладывается корм для животных’, но и ‘(перен. разг.) место, где можно приобрести что-л. неблагоприятными способами’[4], ‘место, где можно, пользуясь бесконтрольностью, поживиться, приобрести что-нибудь для себя’[6], то *пробиться к кормушке* означает то же самое, что ‘Потратить много труда на то, чтобы воровать из бюджета’. В этом смысле разницы между высказываниями «*Ты пробился к бюджетной кормушке*» и «*Ты вор, ты воруеть бюджетные деньги*» нет.

Заметим, что информация, передаваемая инвективами данной группы, может быть проверена, и при её несоответствии действительности расценена не только как оскорбительная (чернящая доброе имя, задевающая честь и достоинство этого лица), но и как клеветническая. Однако негативная информация не всегда ложная информация. Если все упомянутые сведения («*Ты вор, ты воруеть бюджетные деньги!*») соответствуют действительности, то представленная информация может восприниматься как разоблачительная.

2. Ко второй группе литературной инвективной лексики отнесем слова, не называющие социально осуждаемые действия человека, но дающие им определение, квалификацию: что именно сделал человек, остается за кадром, но его действия подходят под определения *расизма, самодурства, предательства* и т. д. Часто это имена существительные – названия лиц, имеющие, книжный, публицистический характер: *двурушник, враг народа, расист, самодур, антисемит, изменник, предатель, ренегат, русофоб, юдофоб*, например: «*Все тянул, хотел получить развернутую жалобу, чтобы увидеть свои недочеты и подшлифовать их в протоколе. Неумные поступки недостойного судьи. Но для **самодура** вполне подходящие*».

Ярко выраженную негативную окраску, составляющую основной смысл их употребления, содержат и отвлеченные существительные, например: «*Андреевское **судилище***»; «*Суд существует для того, чтобы проверить законность и обоснованность обвинения и вынести соответствующий вердикт... Суда-то у него не было, как уже сказано. Было только **судилище самодура Андреева***».

3. К третьей группе литературной инвективной лексики отнесем слова, не называющие конкретных действий человека и не дающие им определения, но выносящие ему на основании этих действий однозначную негативную оценку. Инвективы этой группы имеют разговорный характер: *дурак, дура, гнусный, мерзавец, подлец, подонок, мразь*, например: «*Я плюю вам всем в лицо **подонки!***»; «*Судебный пристав-исполнитель не соответствует её уровню, она **дура***».

К этой же группе можно отнести зоосемантические метафоры: *кобель, кобыла, свинья, вошь, гадина, скотина, гнида и тварь*, например: «*Это не мужчина, а **гнида** конченная*»; «*Это не государственные служащие, а **твари и дерьмо***». Говоря об инвективных метафорах, нельзя забывать и метафоры, отсылающие к названиям частей деревьев: *бревно, дубина, пень*.

В представляемую группу литературной инвективной лексики входят также глаголы, не называющие действий человека, но дающие ему на

основании этих действий однозначную негативную оценку (типа *гадить, пакостить*) и синонимичные им фразеологизмы: «Трудно в суде искать правду, когда судья демонстрирует предвзятость. Она проявлялась у Андреева на протяжении всего времени, пока вместе с кассационной жалобой дело не ушло в Верховный Суд. Причем Андреев **опустился до мелочных пакостей**: выданный Хочубарову и защитникам приговор был напечатан самым мелким шрифтом, какой имелся в компьютере. Он уложился на 12 страницах. Читайте, мол, через лупу. Имеющийся же в деле приговор, а также экземпляры, предназначенные для ВС России, состоят из 34 страниц. То есть шрифт в три раза крупнее».

4. К четвертой группе литературной инвективной лексики, на наш взгляд, следует относить слова, содержащие негативную оценку человека на основе его принадлежности к той или иной национальности, иными словами экспрессивные этнонимы: *чурки, чурбаны, жидаы, черножопые* и т.д., например, «**Чурки и способы их утилизации**».

5. В отдельную группу можно выделить слова, негативно характеризующие политические или религиозные убеждения адресата типа *коммуняки* и *дерьмократы*, однако экспертиз, по текстам, содержащим такие слова, нам делать не приходилось.

6. Наконец, в процессе проведения экспертиз было сделано предположение о 6-ой группе инвективной лексики. Во всяком случае, глаголы, означающее грубое побуждение к действию типа *вали отсюда*, также используются с целью унижить адресата.

Вопрос о том, что считать неприличной формой, всегда являлся спорным. С точки зрения лингвиста, любое оскорбление неприлично, т.к. противоречит элементарным представлениям о вежливости. Когда о неприличной форме вели речь юристы, они опирались на Комментарий к УК РФ, где утверждалось следующее: «Неприличная форма дискредитации потерпевшего означает, что отрицательная оценка его личности дается в явно циничной, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми. Это прежде всего нецензурные выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами»[1, с. 130].

Кого именно можно считать одиозным персонажем, точно неизвестно, но от ответа на этот вопрос зависело, например, признание высказывания, где адресат сравнивался с ослом из басни И. А. Крылова, приличным или неприличным, то есть в итоге оскорбительным или нет: «Мне нередко доводилось видеть судебный абсурд. Привык не удивляться. Но Андреев поразил откровенно правовым и человеческим цинизмом. **При его имени сразу вспоминаются слова из басни: «Осел, уставясь в землю лбом...» и как наваждение возникает образ упертого Андреева. Так и хочется сказать: «Избави Бог и нас от таких судей, как избавился соловей от осла после его суда, вспорхнув - и полетев за тридевять полей».**

Граница между приличным и неприличным оскорблением в Комментарий к УК РФ [1, с. 130] проводилась в основном между цензурными и нецензурными инвективами. С этой точки зрения высказывания: «Ты вор, ты ворует бюджетные деньги»; «Бондарев даст ей палкой по голове,

изнасилует её и ограбит»; «Сволочь ты. Надо быть честным, говорить правду. Подонок»; «не государственные служащие, а твари и дерьмо»; «судебный пристав-исполнитель не соответствует её уровню, она дура», «связаны с криминалом» и подобные – эксперту следовало, скрепя сердце, признавать не содержащими оскорбления ввиду отсутствия неприличной формы.

Сегодня, однако, в таком насилии над собой у лингвиста больше нет необходимости, так как ст. 130 УК РФ, а вместе с ней и юридическое определение оскорбления, завязанное на неприличную форму, признаны утратившими силу в соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 N 420-ФЗ [8]. Иными словами, лингвист теперь вправе утверждать, что, если инвективная лексика, относящаяся к конкретному лицу, в высказывании имеется, данное высказывание порочит честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, т.е. является оскорбительным. Впрочем, статья 130 УК РФ «Оскорбление» уже утратила силу.

Список литературы

1. Бриллиантов, А. В. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / А. В. Бриллиантов. – М. : Проспект, 2011. – 1031 с.
2. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sternin.adeptis.ru/articles2_rus.ht. – Дата обращения: 13. 07. 2012. – Загл. с экрана.
3. Леонтьев, А. А., Базылев, В. Н., Бельчиков, Ю. А., Сорокин, Ю. А. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации [Текст] / А. А. Леонтьев и др. – М. : Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Дрофа ; Русский язык, 2000. – 1233 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Диамант, 2002. Т. I. А – З. – 702 с.
6. Ожегов, С. И.; Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
7. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vseslova.com/ushakova/> – Дата обращения: 22.08.2012. – Загл. с экрана.
8. Уголовный кодекс Р Ф [Текст]. – М. : Прогресс, 2012. – 215 с.

AND AGAIN ON THE INSULT

O. B. Vlasova

Tver State University
The Department of Russian Language

This article analyzes some of the discussion of issues that arise during language examinations in the context of the abolition of Article 130 of the Criminal Code "Insulting." The author focuses on the problem of the recipient and injective vocabulary.

Key words: *abuse, honor, dignity, expertise, invective.*

Об авторах:

ВЛАСОВА Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru